

Поэтическое творчество четверых моих коллег, о коих я поведу речь в данной статье, на первый, да и на второй взгляд, казалось бы, не имеет между собой никаких точек соприкосновения и в каждом конкретном случае представляется если не совершенно, то весьма обособленным от остальных. Да и сами авторы — весьма разные люди, и по возрасту, и по складу характера, и по своим пристрастиям в поэзии. Однако же все они несомненно уже состоявшиеся и вполне самостоятельные творческие личности, что, впрочем, отнюдь не исключает необходимости дальнейшего совершенствования и профессионального роста. А их, если угодно, диаметрально противоположность наглядно демонстрирует поэтический диапазон Кольского Заполярья.

Екатерина Подгорнова (г. Североморск)

Екатерина Николаевна Подгорнова родилась и выросла в столице Северного флота, в семье военнослужащего. Окончила Мурманский государственный педагогический университет, факультет дошкольного воспитания. С 2005 г. участвовала в работе флотского литературного объединения «Полярное сияние». В 2010-м г. стала лауреатом Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри», а через год одним из победителей первого фестиваля-форума «Капитан Грэй» и восьмого Всероссийского межвузовского форума «Осиянное слово» им. Н.С. Гумилева. Также в 2011-м г. Екатерине была присуждена литературная премия губернатора Мурманской области им. К. Баева и А. Подстаницкого.

Стихи молодой поэтессы публиковались в городских газетах и ряде литературных альманахов. Вполне логичным результатом ее поэтического творчества стало издание сборника стихов «Шла весна» (2011 г.). В 2019 г. увидел свет второй сборник — «Паутинка — мостик хрупкий».

*Мой внутренний кот возмущен и взерошен.
Он хочет с досады фырчать и шипеть.
Мой внутренний кот, в целом, очень хороший
И многое, в общем, способен стерпеть.*

*Но кто-то решил против шерсти погладить,
Другие, шутя, наступают на хвост,
Забыв, что ответить зверь может, не глядя
На чью-то весомость и свой малый рост.*

*Мой внутренний кот молчалив и бесстрашен,
Не любит шуметь, в ход пускать кулаки...
Он любит рассветы и пшеничную кашу,
И шерсти пушистой цветные клубки.*

*Он любит прогулки и мягкие пледы,
Улыбки детей и ванильный пломбир,
Он любит понежиться после обеда.
И лапою рыжей обнял целый мил!*

*Мой кот — оптимист, солнца теплого лучик.
Невзгоды и рифы житейских морей...
Он вынесет все! Только было бы лучше,
Чтоб люди хоть чуточку стали добрей.*

И для поэтики Екатерины Подгорновой, и для всей ее поэзии в целом характерны внутренняя теплота и очень органичная, неподдельная, чистая душевность. По моему, эти качества и в жизни являются для Екатерины, так сказать, опорными, основополагающими, дающими ей определенное преимущество перед сиюминутной злободневностью и нарочитой актуальностью диктуемых современной жизнью тем и направлений движения и развития как отдельного человека, так и общества в целом. Стихотворения Екатерины нельзя назвать не актуальными или отстраненными от повседневных забот и переживаний, однако же они одновременно являют нам тот внутренний мир, без коего ни один человек не может таковым именоваться, на который каждый из нас имеет право, и который автор в своих стихах определенным образом, хоть и не вполне явно, отстаивает. Так проявляется творческая и человеческая индивидуальность Екатерины, неподдельно верящей в доброе, разумное, вечное, причем, именно в таком порядке, и очень дорожающей всем тем, что составляет понятие человечности. И ведь совсем неспроста однажды обмолвились братья Стругацкие «...Человечность — это серьезно...».

*Чьих-то теплых чувств глашатай
Сломлен... Смят... Раздавлен... Предан...
Розу снега белой ватой
Заметет уже к обеду.
И прохожий не узнает
В этот зимний день морозный —
Чье-то сердце замерзает
Вместе с брошенной розой...*

Екатерина, несомненно, личность цельная и вполне самодостаточная, именно поэтому в ее стихах присутствует явно или подспудно извечная и невероятно сложная тема взаимоотношений с собственной совестью. И то верно, обмануть кого-либо или обмануться самой еще возможно, хоть и на время, но вот совесть свою не обвести вокруг пальца, не затуманить; ее возможно начисто лишиться, но это уже совершенно иной случай. А ежели душа и сердце есть, то и от совести никуда не деться. Именно поэтому и признается автор: «Жизнь свою пишу, как повесть, // Узник плос-

кости листа. // За моей спиной совесть — // Не спокойна, не чиста... // ...Как оваций ждет артистка, // Покаяний совесть ждет... // жизнь и душу заключаю // В клетку чистого листа... // И навеки за плечами // Совесть — памяти сестра».

Однако же наряду со столь весомыми и серьезными духовными, с позволения сказать, «обременениями», лирическая героиня Подгорновой умеет радоваться жизни, любви, молодости и готова приносить радость людям, как близким, так и вполне посторонним на первый взгляд. Отчего лишь на первый? Да оттого, что она отзывчива и доброжелательна к окружающим, и в этом ее огромное человеческое преимущество перед очень и очень многими. Но ни лирическая героиня, ни автор этого ставит себе в заслугу не станут. Для них естественное желание: «...Быть тонкой и звонкой // Той радостной, прежней, // Оставшейся в сердце девчонкой! // Как прежде мечтать, // Чудесам удивляться без усталости, // По опыту — знать, сердцу — верить, // Не жертвовать чувствами. // Чтоб бедам назло // И под натиском лет не сдаваться, // Других не предав, // Самой лучшей Собой оставаться». И одновременно «...нужной быть тому, // Кто для нее единственно хороший, // Любить всем сердцем, вопреки всему, // Любить вздохом и не жалеть о прошлом...».

Поэтическое разнообразие произведений Екатерины Подгорновой, конечно же, не исчерпывается приведенными примерами, обо всем попросту не позволит рассказать формат данной статьи, а мне, например, очень импонирует цикл ее стихотворений «Поиграем в города», вошедший во второй сборник. Всем желающим убедиться в моей правоте остается прочесть книгу «Паутинка — мостик хрупкий». Творчество Подгорновой свежо и даже воздушно, что отнюдь не означает легковесность или некую новаторскую экстравагантность, напротив, она сумела придать традиционности современную трактовку и сказать о казалось бы всегда присутствующем в нашей жизни по-своему и, значит, по-новому. Единственное, чего, наверное, не вполне хватает моей коллеге, это более частого и глубокого общения в профессиональной среде, где ее уважают и ценят, а также скорейшего приема в ряды Союза писателей России, ведь у Екатерины все для этого есть, и формально, и по сути. И хочется пожелать ей дальнейшего плодотворного творчества, а вам, почтеннейшие читатели, более подробного знакомства с поэзией еще одного представителя славной земли Кольской.

Мария Плоскинная (г. Мурманск)

Мария Олеговна Плоскинная уроженка Мурманска. Окончила Мурманский государственный гуманитарный университет, отделение иностранных языков. Преподает английский язык в Кольском транспортном колледже. Стихотворным творчеством, по ее словам, увлеклась еще в детстве, а всерьез стала относиться к поэзии с 16 лет. Неоднократная участница фестиваля-форума «Капитан Грэй», где всегда получала рекомендации для участия в финале Всероссийского межвузовского форума «Осиянное слово» им. Н. С. Гумилева в Переделкино (диплом второй степени в финале 2018 г., причем, диплом первой степени жюри не присудило никому из молодых поэтов-участников). Лауреат литературной премии губернатора Мурманской области им. К. Баева и А. Подстаницкого за 2020 г. в номинации «Поэзия». На мой взгляд, в настоящее время Мария Плоскинная является одним из ярко выраженных лидеров молодежного «поэтического крыла» Кольского Заполярья. Автор двух поэтических сборников: «Закон заполнения пустоты» (2018 г.) и «Инсомния» (2019 г.).

*В синем городе тьма отступает за оком,
Возвращаются чайки — орать и клевать гниль,
Но незримая смерть методично удавку вьет —
И накинёт петлей, и сомнется под ней границы.*

*Город носит в себе своих будущих мертвецов —
И никто не захочет под маской терять лицо,
Говорят: «все пройдет». Ну должно же, в конце концов?!
В синем городе не осталось, кому молиться.*

*Что тюрьма, что сума, да корона — потяжелей,
Ее зубья остры и смертельны — кого жалеть?
Смерть смеется, гребенкой тонкой — кровавый след —
Проредила все улицы, дворики и проспекты.*

*И кому повезло меж зубцов ее проскользнуть,
Тот и думает — значит, выдюжу, выживу как-нибудь.
Но петля вокруг города общую давит грудь,
Этим как бы пытаюсь сказать: ваша песня спета.*

Мария Плоскинная, впервые появившись несколько лет назад среди участников форума-фестиваля «Капитан Грэй», уже на предварительной стадии знакомства с конкурсными материалами обратила на себя внимание экспертов жюри, сразу выделившись на общем фоне весьма зрелыми по содержанию и практически безупречными по форме стихотворениями. Помарки и недочеты, которые, конечно же, присутствовали, не оказывали существенного влияния на общее положительное впечатление от произведений Марии. Несомненный интерес вызывало и то обстоятельство, что Мария прошла через общение в поэтическом интернет-сообществе, ничуть не поддавшись его, подчас откровенно негативному, влиянию, когда авторы работают, руководствуясь негласными девизами: «я так вижу» и «что хочу, то и ворочу», и не утрачивают себя ответственным отношением к рожденным ими «перлам». Помнится, единственная претензия к некоторым стихотворениям автора состояла в излишнем увлечении поэтикой, в густой метафоричности, которая размывала основную тему и цель произведения, откровенно мешая его восприятию. Но сие было, наверное, обратной стороной яркого поэтического дарования Марии, и потом, она довольно быстро устранила этот недостаток. Опять-таки, если поначалу в ее стихах явно чувствовалось влияние поэзии Иосифа Бродского, то впоследствии оно становилось не столь уж заметным, и сегодня можно сказать, что уже Мария обретает собственно авторский почерк и собственную стилистику. Да, «школа Бродского» иногда все-таки дает о себе знать, но не думаю, что это можно считать существенным недостатком при том уровне поэтического дарования, коим обладает молодая поэтесса.

*Есть люди, в чьих чреслах — огонь, а на лицах мед,
Идет — что танцует, а говорит — поет.
А я — горбунья трехпалая, лик печальный.
Мать родила меня мертвую изначально.*

.....

*Есть люди — балагуры, весельчаки,
А есть адепты вечно пустой руки,
Вечно пустой души и гнилого сердца,
Адепты слабости, трусости, лицемерства.
Ну такие... чтобы вам понимать...
Такие, как моя мать.*

Творчество Марии Плоскинной близко и понятно мне по двум, пожалуй, причинам: во-первых, и я в свое время испытал сильнейшее влияние поэзии уже упомяну-

того Иосифа Бродского (после чего, впрочем, вполне логично прибавил в заочные учителя еще и Глеба Горбовского), а во-вторых, аз грешный, как и Мария, ярко выраженный «горожанин», если вспоминать довольно давнюю уже и несомненно во многом условную, но широко применявшуюся в свое время, литературную классификацию. Мария, несомненно, дочь уникального заполярного города, она по рождению и по сути истинная мурманчанка и у нее свои, особые отношения с малой родиной.

*Мурманск, сопки унылых камней,
Грейся, трогай тебя руками,
Снег в апреле на самом деле,
Я в такую весну не верю.
Перекрестные крики чаек,
Корабли, маяки, причалы.
Незамерзший залив туманом
Укрывается спозаранок.
Под асфальтом, в его прорехах
Змей живет в соляных доспехах,
Дыбит спину, вздымает гребень,
До сиянья на черном небе.*

.....

*Мурманск дождь, темнота и слякоть,
Длинной коброй в грудную мякоть
Полуострова ты вонзился
Из болот, изо мхов родился.
Вздыбил сотни многоэтажек,
Вырос центрами распродажи,
Магистралями и мостами,
Что навеки вмерзают в камень.
Край брусники, грибов, морошки,
Притворяйся для всех хорошим.*

Что в этих строках, если не любовь? И пусть вас не смущает неоднозначность образов и оценок, любовь ведь отнюдь не проста и, зачастую, не состоит из восхвалений и восторгов. Мария — поэт, не только тонко ощущающий мир вокруг, но и глубоко мыслящий художник, ее поэтическая аналитика подчас довольно резка и местами беспощадна, и понятно отчего — далеко не все «углы сглажены» в жизни, да ведь и «самое страшное в мире — это быть успокоенным»... И очень радуется, что пока еще в стихах молодой и очень яркой как внутренне, так и внешне, женщины присутствует некое, уж простите за каламбур, «девчоночье мальчишество», то есть, уже осознанное, наполненное иронией, но изначально спонтанное юношеское озорство, и, кстати, что весьма ценно, вполне серьезное озорство. Дай Бог, чтобы оно подольше не исчезало. Тут уж сами, как знаете, понимайте и толкуйте: «Лес смеется: домой иди, человек, // И отныне судьбы не видать иной: // Будешь символом всех несчастливых женщин, // Нелюбимой ничьей женой». К тому же сие качество еще и средство самообороны. От чего и кого? Да от всего и от всякого. Экзистенциальность для многих и многих одновременно и *modusviviendi*, и *modusoperandi*. Главное, очевидно, не возводить такую позицию в абсолюте. И Мария недвусмысленно говорит об этом: «Тут надо бы просто, но я не могу без сложностей. // На месте «сестры таланта» давно — дыра. // Мой смысл том, чтобы быть счастливой. И по возможности // Не умирать». Согласитесь, не самые плохие откровения, по крайней мере честные и лишены цинизма, что нынче большая редкость, ибо как-то исподволь, незаметно, чест-

ность и цинизм становятся в современном мире чуть ли не синонимами. К тому же Мария все равно, более чего-либо иного, доверяет красоте и верит в ее силу, в ее способность «спасти мир», как завещал нам Ф. М. Достоевский, по сию пору безусловно остающийся главным духовным наставником нации.

*Счастлив не тот, кто умеет сжигать мосты,
Кто чужим караваем легко набивает рот свой,
А тот, кто заметит краешек красоты
Перед прыжком в уродство.*

.....

*Тот, кто, идя босым по росе на казнь,
Не видит в костре угрозы и безнадёги,
Он чувствует, как — пусть в самый последний раз —
Теплое пламя ему согревает ноги.*

*Как тот осьминог, застрявший в сыром песке,
На берег случайно выброшенный приливом,
Не думает ни о смерти, ни о тоске.
Он смотрит на небо и думает: как красиво!*

Повседневная наша жизнь — явление, в стереотипных своих обиденности и ремесленности, довольно безжалостное и даже жестокое. Отраден тот факт, что поэтесса Мария Плоскинная, несмотря на подобные проявления, несомненно, любит жизнь, умея находить в оной свет, любовь и надежду. Недаром же рождаются такие вот, спокойные, без восклицаний особых, откровения: «Я люблю тебя, мясорубка»... У молодой моей коллеги, я более чем уверен, все еще впереди, и новые, несомненно прекрасные, стихи, и публикации, и поэтические сборники, и непрременное членство в Союзе писателей России, и обязательное признание широкой читательской аудитории.

Виталий Коротаевский (г. Мончегорск)

Виталий Борисович Коротаевский родился, вырос и живет в городе металлургов Мончегорске. По первому образованию слесарь-ремонтник, тем не менее всегда удачно совмещал производственную деятельность не только с поэтическим творчеством, но и с любительским театром, а также с журналистикой. В разные годы Виталий Коротаевский работал корреспондентом городской газеты «Добрый день» и Мончегорского телевидения. В настоящее время является госинспектором Лапландского биосферного заповедника. Первые серьезные шаги на ниве стихосложения были сделаны Виталием в литературном объединении под руководством Сергея Каплана. В настоящее время он является активным участником городской общественной организации «Цех Изящной Словесности» и входит в состав оргкомитета Мончегорского традиционного фестиваля авторской песни «Дни В. Высоцкого на Кольской земле». Стихи Виталия Коротаевского публиковались в городских и областных газетах. В 2019 г. вышел первый поэтический сборник «До полной тишины».

*Эпоха летних отпусков
На днях истлела. Все кучнее
Народ в маршрутках; все тучнее
Ржаное тесто облаков.*

*И все печальнее по ним
Струится акварель закатов;*

*Все шире желтые заплаты
На распахнутой листве осин,
Берез и верб. И снова мы
Сбиваемся, как в стаи, в семьи,
Чтоб не убили нас ни темень,
Ни холод будущей зимы.*

*И без молитвы, без поста
Всяк понесет свой крест житейский.
И снова будет мир нам тесен,
И твердь небесная пуста.*

*Пропустим первую звезду,
По рюмке водки пропуская.
И мальчик в люльке заморгает,
Тревожа криком пустоту.*

Поэтическое становление Виталия Коротаяевского явилось прямым следствием его творческого труда и самообразования. Не все давалось ему легко и сразу на пути обретения и в особенности совершенствования своей стилистики, манеры изложения, применения средств формирования художественного образа. Очень подробно и весьма систематически знакомясь с отечественной и зарубежной поэзией, и вообще литературой, Виталий, по моему мнению, был изначально очарован разнообразием стихотворных приемов и языковых средств, и воспринял их применение при написании стихотворений как практически обязательное руководство к действию. Поэтому его ранние стихи были откровенно перенасыщены художественными тропами, метафорами и прочая, что, опять-таки, мешало целостному восприятию произведений читателями, да и автора сбивало с основной темы, хоть и не в дали дальние уводя, но порядком отвлекая на второстепенные образы и рассуждения. Тем не менее, Виталий Коротаяевский рук не опускал, а продолжал упорно совершенствовать свое дарование и, надо сказать, весьма преуспел на этом поприще. Конечно, без явных художественных пристрастий не обошлось, и огромное влияние на творчество моего коллеги и близкого друга оказала поэзия А.А. Фета, стихами которого Виталий буквально зачитывался.

*Растаял самый длинный день.
И перламутровое небо
В озерной нежится воде.
И за полночь уже. А слева
Все те же горные хребты;
А справа тянется дорога.
Кольшет ветерок кусты;
Кольшет суета тень Бога,
Что вечной стрелкой по душе
Скользит, упав от солнца к ночи...
День новый близится уже;
И будет он уже короче.*

Поэтика Виталия Коротаяевского с годами вызрела, освободилась от былой размашистости и громоздкости, стала ровнее и лаконичнее, утратив в определенной степени свой диктат при создании стихотворных форм и произведений в целом. Нет, она не отошла на второй план, просто автор научился обуздывать свои эмоции и нахо-

дить им точное поэтическое воплощение. Думаю, что в этом ему очень помогло не просто знакомство, но по сути изучение творчества Ф. И. Тютчева и Н. С. Гумилева. «Эти смутные времена... // Сколько их в истории нашей!.. // Вот и век двадцать первый. Страна // На костях чьих-то судеб пляшет. // На истории скользких путях // Под Вивальди никто не печалится; // Только падшие души грустят, // Слов любви ожидая отчаянно». Это строки из стихотворения «Кленовая ветка», посвященного памяти Натальи Смирновой, учительницы русского и литературы, первой заметившей в юном своем ученике склонность к сочинительству и благословившей его на литературное творчество. Обращение к гражданской лирике, в целом не характерной для поэзии Виталия, является нам еще одну грань творчества поэта, но, на мой взгляд, не становится для него чем-то основополагающим, ибо его глубокое приращение к лирике пейзажной превалирует, и зачастую иные мотивы и темы автор реализует именно посредством оной. «Осенняя любовь... Порывы ветра. // Дождей ободранные кисти // Размазывают по асфальту листья. // И пьет печальная Деметра // Из луж вино, в котором забродили // Рябин оборванные гроздья. // И жизнь плывет, как бунинская проза, // Классическим трагичным стилем».

Метрика и ритмика стихов Коротаяевского своеобразна и узнаваема, она порой словно враскачку идет, немного прихрамывая, я, например, безошибочно отличаю его стихи от любых других, хоть среди ночи меня разбудите. А еще мой друг и коллега глубоко, искренне верующий, православный человек, и Господь несомненно помогает ему в столь непростом и подчас неблагодарном деле, как изящная словесность.

*Идти и ждать; и, умирая, жить;
Быть нищим, но всегда платить по счету;
Быть во грехе, и во Христе, но — быть;
И верить, и надеяться на что-то!..*

У поэта сложные отношения со своим лирическим героем, и, не скрою, я частенько пеняю ему на сие обстоятельство. Лирический герой Виталия, по моему мнению, пока что укрывается в густых пейзажах или пространных рассуждениях и умозаключениях, но вот обнаруживать себя в яви особо не желает, а его морально-нравственную позицию и жизненные установки автор зачастую обосновывает или декларирует отвлеченно, без привязки к его персоне. Тем не менее, это обстоятельство лишь обуславливает одно из направлений дальнейшего развития творческого уровня автора. В целом же, убежден, что пример Виталия Коротаяевского, явившего нам симбиоз природного поэтического дарования и редкого трудолюбия на литературном поприще, несомненно, достоин уважения, а его поэзия будет обретать признание все более широкого круга читателей. А признание в профессиональной среде собратьев по перу уже, собственно, состоялось.

Григорий Сыпко (г. Мончегорск)

Григорий Вадимович Сыпко родился в Киеве, но вполне может считаться коренным мончегорцем, ибо с младенческого возраста живет в нашем городе. По специальности инженер-лесотехник, окончил Санкт-Петербургскую лесотехническую академию, долгое время трудился в Лапландском биосферном заповеднике и Мончегорском лесничестве. Стихи стал писать совершенно спонтанно и даже неожиданно для себя. Обладает ярко выраженной поэтической индивидуальностью, о чем и пойдет речь ниже. В 2010 г. принят в Союз писателей России, также является членом Мончегорской общественной организации «Цех Изящной Словесности» и оргкомитета традиционного городского фестиваля авторской песни «Дни В. Высоцкого на Коль-

ской земле». Публиковался в городской и областной периодике, а также в литературных альманахах «Мурманский берег» и «Площадь первоучителей». Автор сборника стихов «В обнимки с Бабою-Ягой» (2009 г.).

*Если вы читали «Колобка»,
Значит, Русь жива еще пока.
Есть еще начитанные люди,
Равных нет которым и не будет!*

*Заграница в бескультурье тонет.
Ест и спит, валяет дурака.
Никакой буржуй нас не догонит,
Если прочитаем «Колобка»!*

*Выкинь джинсы и дурную кепку.
Мы в лаптях получше будем жить!
Прочитай еще вдогонку «репку».
Там ты или тут? Пора решить!*

*Пенси-колу вылей на лужайку.
Лучше квас и нивы под ногой.
И родную, теплую фуфайку.
И в обнимки в Бабою-Ягой!*

При первом прочтении стихотворений Григория Сыпко многим может показаться, что он прямой наследник «обэриутов» и продолжатель традиций, заложенных творчеством Николая Алейникова, Александра Введенского и ранними произведениями Николая Заболоцкого. Однако же смею утверждать, что сие по крайней мере не совсем так. А точнее и совсем не так, ибо никакого влияния «обэриутов» Григорий не испытывал и под обаяние их произведений не попадал. Он их попросту во время оно еще не читал, а писать свои стихи начал, повторяю, совершенно спонтанно, очевидно накопив в душе сверх меры иронии и комичных ситуаций, связанных и с работой, и с повседневной жизнью вообще. Начинал он с таких вот четверостиший, записанных на чем попало, чаще всего на небольших клочках бумаги: «Заспорили, сгучая тучи // Каренина и Берлиоз: // Он ей кричит, трамвай, мол, лучше! // Она в ответ: — Нет, паровоз!». Или еще в том же ключе: «Ты нырнула с аквалангом, // С пережатым дважды шлангом. // День прошел. Скажи-ка мне, // Чем ты дышишь в глубине?». Аудитория, а Григорий начинал читать свои перлы на бардовских фестивалях, так вот, аудитория принимала все буквально «на ура», готовая одобрять хохмы без счета, не замечая даже явных недостатков и огрехов. Да и коллеги-поэты в массе своей поначалу были от Григория просто в восторге, что, как мне кажется, сослужило в итоге не самую лучшую службу нашему автору, поскольку мешало дальнейшему его совершенствованию.

Григорий, как и Виталий Коротчаевский, мой близкий друг, оттого я и воспринимал все, с ним в творческом плане происходившее, весьма близко к сердцу, понимая, что мой собрат по перу весьма стихийен в поэтическом труде и пишет аки господь на душу положит, то есть когда осенит или, ежели перетолмачить на современный молодежный сленг, «торкнет». В довольно краткие сроки выпустив в серии «Первая книга поэта» сборник стихотворений, будучи принят в Союз писателей России, Григорий Сыпко не то чтобы остановился и перестал писать, но... отчего-то опять начал «творить в стол», не стремясь ни опубликовать свои новые стихи, ни даже представить их публике. Он точно ждал, что придут хорошие дяди и помогут ему издать вто-

рую книгу. А она, собственно, была, но в компьютерном варианте, собранная Сергеем Сысоевым, и называлась «В трех минутах от печали...». Ее следовало бы немного подправить, заменив стихотворения, вошедшие в «Обнимки с Бабою-Ягой» на вновь написанные, и получился бы вполне достойный сборник. Но не случилось пока. И почитатели творчества Григория пока довольствуются россыпью запечатленных по отдельности стихотворений. «Как во наших во лесах // Нашли дедушку в трусах. // Весь искусан комарами // И гнездо на волосах»; или «Чемпионат по прыжкам на батуте... // Зритель болел: похвалял, укорял. // Всех удивив, на последней минуте, // Лучший батутчик в плафоне застрял». Иногда кажется, что подобные строки автор даже не обдумывает, а просто извлекает из «глубин подсознания», но ведь в большинстве случаев «извлечения» его поразительно точны, ироничны и даже, если угодно, актуальны. Такое вот причудливо организованное дарование, а возможно и вовсе не организованное. Жаль, если мой друг и коллега не сдподвигнет себя на нечто большее, нежели подобные, все реже и реже происходящие, озарения. Однако в данной ситуации помочь Григорию Сыпко может только он сам и никто более. Надеюсь, что это все-таки произойдет в конце концов. Время еще есть, хоть его и остается с каждым днем все меньше и меньше.

*Нет на складе новых колунов...
Так, быть может, наколот бы дров.
Рукавиц там нет и бензопил...
А не то бы печку протопил...
Мерзну и люблюсь на свечу...
Просто я работать не хочу.*

Надеюсь, что объявленные в заголовке полярность и творческий диапазон мне удалось наглядно продемонстрировать. А коли так, то вполне логична будет констатация сохраняющейся и сегодня правомочности высказываний всем известных исторических личностей о прирастании богатства российского провинциями (хоть в оригинале и обозначена лишь Сибирь), а еще о более длительном сохранении пассионарной энергии на границах ареала обитания. Не стану возводить эти постулаты в абсолют, но и забывать их не следует. Никому и никогда.

